

УДК 070.447:006

«УЧЕНАЯ» КРИТИКА В ЖУРНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: АКСИОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ, ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ

© 2009 О.Г. Шильникова

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 10 марта

Аннотация: Выявляются функциональные характеристики «ученой» критики в контексте «толстых» журналов 30–40-х гг. XIX в. Анализируется жанровый состав, специфика структурно-содержательной организации текстов «ученой» критики, способы и формы выражения в них ценностного сознания критического субъекта.

Ключевые слова: библиография, жанр, журнал, критерии, литературная критика, оценка, рецензия.

Abstract: The article is devoted to the establishment of functional characteristics in the content of large-volume magazines of the 30's–40's of the XIX th century. The author analyzes the content of the genre and the peculiarity of "scientific" criticism texts' content and structure arrangement; methods and forms of the expression in them the sense of value of a critic.

Key words: bibliography, genre, magazine, criteria, criticism, value, review.

Примерно с конца XVIII столетия в России начала складываться устойчивая традиция, в соответствии с которой русская периодическая печать принимала самое активное участие в популяризации не только искусства, но и естественно-научных и общегуманитарных знаний, поскольку все они воспринимались в качестве феномена, играющего значительную роль в культурном прогрессе. На просветительство как важнейшее направление деятельности русской журналистики и одновременно ведущую тенденцию ее собственной эволюции не раз указывали такие современные исследователи, как А.И. Акопов [1], А.Г. Бочаров [2], Г.В. Жирков [5, 18], Б.И. Есин [4], Е.А. Корнилов [6].

В процессе реализации просветительской миссии русский журнал варьировал свои типологические характеристики. В информационном поле примерно с начала XIX столетия появляются журналы отраслевые, искусствоведческие, формируется специальный тип изданий – научно-популярный журнал [7]. Самое непосредственное участие принимали в этом процессе литературные

журналы, недаром многие из них дополнительно позиционировали себя еще и как «ученые» [11]. «Толстые» журналы не только публиковали на своих страницах статьи научно-популярного характера, но и почти одновременно взяли на себя функцию осмысления и оценки подобных сочинений (в том числе выходящих в книжном формате), что привело к их собственной типологической трансформации и структурной перестройке, а также в определенной мере повлияло на качественные характеристики журнальной литературной критики.

Так, уже в «Московском журнале» Н.М. Карамзина наряду с художественными произведениями рецензировались и аннотировались (или помещались переводные рецензии) книги по этнографии, истории, политике, философии. Аудиторная функция подобных публикаций состояла в просвещении русской публики, и соответственно традиционный для критики этого периода критерий «пользы» оставался для Н.М. Карамзина главным. Внутрижурнальная функция «ученой» критики заключалась у Н.М. Карамзина в формировании актуального для издателя

© Шильникова О.Г., 2009

ценностно окрашенного журнального контекста. Сошлемся здесь на исследование, проведенное Ю.М. Лотманом. Он продемонстрировал, каким образом аннотации на два произведения революционной французской публицистики позволили Н.М. Карамзину сформировать смысловой подтекст, который свидетельствовал о сочувственном отношении издателя к событиям французской революции [8, 209–227].

В 30–40-е годы XIX века «толстый» журнал в России приобрел универсально-образовательную направленность, являясь для массы читателей своего рода «периодической энциклопедией». «Необходимость в ней вызывалась бедностью, «объективной и субъективной», нашей культуры — малой образованностью даже интеллигентного слоя, бедностью нашей ученой литературы, недостаточностью наших специальных журналов, научных популяризаций, библиотек, общедоступных лекций» [12, 303]. С таким объяснением просветительской направленности отечественных журналов трудно не согласиться. Однако главная причина, обусловившая формирование энциклопедизма, имеет, конечно, глубокие исторические основания, названные еще Н.А. Полевым и Н.И. Надеждиным. Это насущная потребность социальной и экономической сфер русского общества конца 20 х — начала 30 х годов в распространении просвещения и в росте образовательного уровня населения [10, 218–222].

Научные и научно-популярные сочинения, став благодаря журналам достоянием не только специалистов, но массы простых читателей, потребовали критического осмысления. В подавляющем большинстве энциклопедических журналов возникают библиографические отделы или рубрики, которые отпочковываются от собственно критических. «Почти во всех... журналах критика составляет особый от библиографии отдел», — констатировал В.Г. Белинский в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (Современник. 1847. Т. 1. № 1) [2, т. III, 682]. Таким образом, в 40-е годы библиографические отделы (рубрики) уже приобрели устойчивый статус постоянной части «толстого» журнала как типа издания. А.Г. Бочаров совершенно справедливо наряду с такими типологическими свойствами журнала, как более долгосрочное, по сравнению с газетой, влияние на аудиторию, аналитичность, концептуальность материалов, называет также обязательное наличие библиографии [3; 26, 27].

Содержание библиографических отделов не ограничивалось обзором художественных произведений и театральных новостей. Там помещалась информация о новых книгах из области искусствознания, все больше рецензировалось сочинений по различным отраслям науки и разнообразным

сферам окружающей жизни — по истории и философии, естествознанию и сельскому хозяйству, образованию и воспитанию.

Тогда же тенденцию к сосуществованию на одной печатной площадке и под одной рубрикой разноплановых по тематике, по объектам анализа и по оценочным подходам аксиологических публикаций заметил Н.А. Полевой. Для него было очевидно, что это не случайное совпадение, и в статье «Несколько слов о современной русской критике» (Русский вестник. 1842. № 2. Отд. III) он попытался осмыслить данное внутрижурнальное явление теоретически, объяснив его с точки зрения тех общих цивилизационных процессов, которые в России особенно интенсивно стали развиваться примерно с тридцатых годов позапрошлого века. Он отметил расширение ареала воздействия критики литературной и параллельное укрепление «критики ученой». Последняя была обращена к многообразным явлениям самой действительности, к новым развивающимся сферам науки, то есть, направлена на анализ и оценку внеэстетических объектов и внехудожественной области деятельности личности. Н.А. Полевой справедливо полагал, что если журнал стремится быть органом влиятельным и иметь успех у читателей, он должен учитывать вектор движения общественного прогресса, соотнося с ним не только содержание, но и структуру издания. Исходя из своих представлений о назначении печатного органа и из анализа особенностей исторического момента, он дал расширенное толкование предмета и сферы влияния критики, утверждая, что ей, как и журналу в целом, следует придать «энциклопедический» характер: [9, 1].

В своих суждениях и догадках Н.А. Полевой был не одинок. В том же 1842 году в первом номере «Отечественных записок» появилась «Речь о критике» В.Г. Белинского, где обобщенный подход к феномену современной критики обосновывался уже не только в историческом, но и в философском, а также когнитивном ракурсе. Следует подчеркнуть, что в своих рассуждениях В.Г. Белинский не дифференцировал критику по объекту ее анализа, а имел в виду самые общие законы механизма реализации критической мысли. И в этом смысле критика любых объектов действительности и сфер умственного мира для В.Г. Белинского одинаково важна. Отсюда и его убеждение, что «необходимое условие достоинства и существования журнала составляет критика и библиография, ученая и литературная» [2, т. I, 282].

Таким образом, Н.А. Полевой и В.Г. Белинский дали расширенное представление о феномене критики, сформулировали общие закономерности критической рефлексии, которые должны

действовать при критическом рассмотрении любого объекта или явления, что и позволило теоретически обосновать необходимость присутствия «ученой» критики в составе журнала энциклопедического типа. Концентрация под одной библиографической рубрикой оценочных публикаций, посвященных как художественным, так и нехудожественным книгам и произведениям, представлялась им вполне закономерной. Заметим, что дополнительным стимулом для такого объединения были их общие аудиторные функции – преимущественно информационная и отчасти просветительская.

В каком бы издании ни сотрудничал сам Белинский – в «Телескопе», в «Отечественных записках», в некрасовском «Современнике», составление «ученой» критики и библиографии было неотъемлемой частью его повседневной журнальной работы. Под нею подразумевался разбор и оценка книг и статей по математике, медицине, сельскому хозяйству, философии, логике, политике, жизнеописания исторических и религиозных деятелей и т. п. Терминологически Белинский обозначал этот пласт научных и научно-популярных изданий по-разному: «явления по части ученой литературы», «ученые беллетристические статьи», «статьи ученого содержания», «книги специального содержания», «книги, брошюры и статьи по специальным предметам». Однако он неоднократно подчеркивал, что в энциклопедическом журнале необходимо рецензировать не все научные сочинения, пусть даже имеющие высокий научный статус, а лишь те, что «всем доступны и полезны» и «могут возбуждать общий интерес». Таким образом, критик устанавливал зависимость между типом издания и принципами отбора научной литературы для рецензирования в библиографическом отделе.

Представление о том, как Белинскому делились журнальные и аудиторные функции библиографических отделов, мы можем получить из характеристики, данной им библиографическому отделу «Отечественных записок» в обзоре «Русская литература в 1842 году» (Отечественные записки. 1843. Т. XXVI. № 1). По сравнению с карамзинским периодом, функции библиографии мыслились им более масштабно. Параметрами эффективности работы библиографического отдела в журнале были для Белинского постоянство и своевременность предоставляемых публике отчетов, а также широта охвата современного книжного пространства. Иное содержание и функциональное назначение «ученых» рецензий диктовали критику новые жанровые решения и другую, по сравнению с критикой литературной, систему оценочных координат.

Он сумел найти для критики «ученых сочинений» адекватные жанровые формы. Начиная с 1840 и по 1846 годы Белинский обязательно включал краткий обзор и очень лаконичную оценочную характеристику новейших «ученых сочинений» в свои ежегодные литературно-критические обзоры, помещая их преимущественно в конце текста. Иногда эти обзоры приобретали форму простого перечисления, что не отменяло их ценности для читателей, так как и в этом случае аудитория получала библиографические списки специально отобранных, а значит, предварительно оцененных сочинений. Порою книги «ученого содержания» становились для В.Г. Белинского главным и единственным предметом разбора, среди них рецензия «Опыт системы нравственной философии», посвященная одноименной брошюре А. Дроздова (В. Белинский. Телескоп. 1836. Ч. XXX. № 24), и переросший в статью отзыв о книге Фридриха Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (Отечественные записки. 1842. Т. XXI. № 4).

В текстах библиографического типа свои оценочные послы Белинский формулировал всегда эксплицитно и недвусмысленно. Так, достоинствами сочинения А. Дроздова он считал «верный взгляд на многие предметы, прекрасное, проникнутое чувством изложение идей, добросовестность в суждении», важность содержания, умение поднимать действительно интересные для многих читателей вопросы, бескорыстность труда автора, хорошо понимающего свой предмет и имеющего твердые нравственные основания, простоту и ясность его мышления. Среди недостатков – отсутствие строгой системы во взглядах и вследствие того некоторая внутренняя противоречивость умозаключений [2, т. I, 285–297]. Книга Ф. Лоренца, представлявшая собой изложение курса лекций по всеобщей истории, прочитанного профессором в Главном педагогическом институте, по мнению Белинского, могла быть полезна для гимназий, семинарий или для самообразования тех учащихся, кто не имел возможности поступить в университет. Поэтому в рецензии акцентирована мысль о современном европейском уровне знаний ученого и фактической достоверности книги. В то же время Белинский счел необходимым указать на «технические» погрешности научного аппарата, в частности на отсутствие переводов выписок из греческих писателей на русский язык и не слишком качественный перевод авторского текста [2, т. II, 225–238]. По сходным параметрам, хотя и с некоторой долей иронии, оценивал В.Г. Белинский в некрасовском «Современнике» вышедшие в 1846 году два первых тома «Истории русской словесности, преимущественно древней» С.П. Шевырева. (Современник. 1847. Т. I. № 1. Отд. III. С. 53).

При оценке книг гуманитарного плана критик настаивал на важности передачи автором собственных реальных впечатлений от восприятия первичной реальности и обязательной увлекательности изложения. Таковы, на его взгляд, «Письма из Испании» В.П. Боткина, появившиеся в 1847 году на страницах «Современника».

В зависимости от особенностей рассматриваемой книги Белинский варьировал требования к «ученым сочинениям». Его могли интересовать характер непосредственного нравственного влияния книги на читателя, роль в развитии какой-либо области деятельности, способность оказать практическую помощь в конкретной сфере их повседневной жизни, например в воспитании детей или ведении домашнего хозяйства и т. п.

Константными критериями были для Белинского степень популярности изложения научных знаний и их доступности для восприятия массовой журнальной аудитории. В теоретической рефлексии по этому поводу он дифференцировал сугубо научные сочинения и литературу, предназначенную для «не посвященного в таинства науки» читателя по двум значимым для журнала как органа СМИ параметрам — целям публикаций и качественному составу аудитории. Белинский хорошо понимал, что функции «ученых» сочинений, которые могут быть напечатаны не в «специально ученом издании», а в энциклопедическом журнале, предназначенном для широкой аудитории, не образовательные, но просветительские. Отсюда возникала, казалось бы, неразрешимая дилемма: «Чтобы сделать такую статью доступной для публики, читающей исключительно литературные журналы, надо упростить ее до такой степени, чтобы в ней не осталось никакого ученого содержания; а изложить ее для ученых — значит сделать ее недоступной для публики» [2, т. II, 477]. Выход из этой ситуации виделся Белинскому, во-первых, в усилении общегуманитарной и отчасти дидактической составляющей ученых сочинений, предназначенных для массового читателя, во-вторых — в использовании увлекательного стиля изложения, при сохранении принципа научности.

При рассмотрении «ученых» книг критик исходил уже не из эстетической, а социально-идеологической, утилитарно-прагматической либо морально-этической системы ценностных координат. Соответственно преобладающим в таких рецензиях и отзывах становился социально-публицистический дискурс. Сохранялся ли в рефлексии «ученой» критики эстетический компонент оценки? Другими словами, изменялось ли в ней, по сравнению с рецензионными жанровыми формами, качественное содержание оценочно-прагматического дискурса? У Белинского он,

несомненно, присутствовал. Отсюда, разбирая уже упоминавшееся «Руководство к всеобщей истории» Фридриха Лоренца, кроме глубокой учености, Белинский в качестве положительного момента также отмечает «благородное, хотя и спокойное, сообразное с достоинством истории, одушевленное», симпатию ко всему великому, доблестному, возвышающему душу. Именно благодаря субъективной заинтересованности своим предметом автор сумел воссоздать яркую, полную, образную картину исторической действительности, смог передать исторический колорит изображаемой эпохи и объяснить дух народа. В этом же — эстетическом — ключе он говорит о «Письмах из Avenue Marigny» (1847) А.И. Герцена, в которых «так много живого, увлекательного, интересного, умного и верного, что нельзя не читать их с удовольствием, даже во многом не соглашаясь с автором» [2, т. III, 840], об увлекательности изложения в «Письмах об Испании» В.П. Боткина [2, т. III, 840] и даже о статье некоего А.В. «Табачная промышленность в России», «потому что автор сумел придать этой статье общий интерес и изложить ее с замечательной степенью литературного изящества» [2, т. II, 623]. В некоторых случаях Белинский считал необходимым отметить такие эстетические аспекты «ученых» сочинений, как оформление книги или художественный уровень иллюстраций, влияющий на уровень ее восприятия читателями.

Очевидно, что определенные принципы своей эстетической парадигмы из области литературной критики В.Г. Белинский переносил в операционную сферу критики «ученой», и это не было особенностью его индивидуальной критической системы. Не будем забывать, что и в составе библиографического отдела (рубрики), и в пределах журнального контекста одного и того же печатного органа тексты «ученой» и литературной критики функционировали в одном смысловом пространстве и зачастую писались они одними и теми же сотрудниками. Отсюда, с одной стороны, структурно-содержательные контаминации между аксиологическим потенциалом ученой и литературной критики были не только закономерны, но и неизбежны. С другой — преобладающим в аксиологических текстах «ученой» критики был социально-публицистический дискурс, а собственно эстетические фрагменты аксиологического континуума, вытеснялись на периферию, становясь второстепенными и для критика, и для читателя. В целом при рассмотрении «ученых» книг критик исходил уже не из эстетической, а социально-идеологической, утилитарно-прагматической либо морально-этической системы ценностных координат. Соответственно преобладающим в таких рецензиях и отзывах становился социально-публицистический дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов А.И. К вопросу о журнале как типе периодического издания / А.И. Акопов // Типология журналистики. Вопросы методологии и истории ; под ред. Е.А. Корнилова. – Ростов н/Дону, 1987. – С. 62-76.
2. Белинский В.Г. Собр. соч. : В 3 т. / В.Г. Белинский. – М., 1948.
3. Бочаров А.Г. Основные принципы типологии современных советских журналов / А.Г. Бочаров // Вестник МГУ. – Сер. XI. Журналистика. – 1973. – № 3.
4. Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. 2-е изд., испр. и доп. / Б.И. Есин. – М., 2003. – 288 с.
5. Жирков Г.В. Просветительская функция журналистики: историко-типологический аспект // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы научно-практической конференции / под ред. В.И. Конькова. – СПб. : Роза мира, 2003. – С. 16-18; Жирков Г.В. Журналистика: исторические этюды и портреты. / Г.В. Жирков. – СПб. : Роза мира, 2007. – 485 с.
6. Корнилов Е.А. Журналистика на рубеже тысячелетий / Е.А. Корнилов. – Ростов н/Д : Донской издательский дом, 1999. – 311 с.
7. Лазаревич Э.Я. Научно-популярный журнал как тип издания / Э.Я. Лазаревич. – Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 1979. – № 1; Лазаревич Э.Я. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э.Я. Лазаревич. – М. : Книга, 1984. – 287 с.
8. Лотман Ю.М. Московский журнал / Ю.М. Лотман // Сотворение Карамзина. – М., 1987. – С. 209-227.
9. <Полевой Н.А.> (Подпись: Н.П.). Несколько слов о современной русской критике / Н.А. Полевой. – Русский вестник. – 1842. – № 2. – Отд. III. – С. 1 ; С. 1-11.
10. Станько А.И. Становление энциклопедизма в журналистике. «Торговое направление» и его оппоненты // История русской журналистики XVIII – XIX веков: Учебник / под ред. Л.П. Громовой. – СПб., 2003. – С. 218 – 222.
11. Страшнов С.Л. «Толстые» журналы и просветительство / С.Л. Страшнов // Вестник Ивановского государственного университета. – Сер. Филология. – 2001. – Вып. 1. – С. 32-42.
12. Троцкий Л.Д. Судьба толстого журнала (1914 – 1922) / Л. Троцкий // Литература и революция. – М., 1991. – С. 298-307.

Шильникова О.Г.
Волгоградский государственный университет.
Кандидат педагогических наук, доцент, доцент
кафедры журналистики факультета филологии и
журналистики.
e-mail: glossa2@rambler.ru

Shilnikova O.G.
Volgograd State University.
Associate professor of Journalism, Department at
Faculty of Philology.
e-mail: glossa2@rambler.ru